

СТАРИКА ЖАЛКО. НО ОЖИВЛЕНИЮ ОН НЕ ПОДЛЕЖИТ

Четыре года назад гэкачепистский путч стал толчком к окончательному развалу Союза. 20—27 августа провозгласили независимость Эстония, Латвия, Украина, Беларусь, Молдова; еще через несколько дней — Азербайджан, Киргизия и Узбекистан. Почувствовав, что когда-то грозный старик отдает концы, наследники бросились его добивать.

Впереди маячили Беловежские посиделки. Те, кто готовы были пинать Союз, действовали так, будто, не добей его сейчас, он вообще никогда не умрет, более того, воспрянет снова молодым, сильным и жестоким. Те же, кто отстаивал Союз, думали, что если они сейчас спасут его, то сохранят «навсегда». На самом же деле сама дилемма: «сохранить или уничтожить» — была ложная. Если можно вылечить человека от болезни (или просто — не убивать его), это отнюдь не значит, что он вообще не умрет.

Никакого противоречия между заботой о здоровье и признанием неизбежности смерти нет. Равным образом не было никакого противоречия между сохранением Союза в 1991 г. и признанием того, что в конце концов он обязательно распадется (не вечно же ему было жить?). СССР должен был умереть, но дать ему еще хотя бы несколько лет жизни было вполне возможно. И даже нужно. СССР был обречен, ибо он начал умирать, если так можно выразиться, еще до своего рождения. Российская империя распалась в 1918 г. вместе со своими родственниками — Турецкой и Австро-Венгерской империями. Россия, как и все другие империи, была, конечно, отнюдь не только «тюрьмой народов». Она обеспечивала мир на колоссальной территории, способствовала ускоренному развитию многих племен и народов. Но в XX веке время империй кончилось. Российская оказалась наиболее «живучей» по очень ясной причине — в России победила коммунистическая интернационалистическая идеология. Российская империя получила вторую жизнь именно потому, что ее восстановители искренне отрицали какую-либо связь с ней нового государства — СССР, видя в нем просто первый кусок территории земного шара, отвоеванный у мира капитализма, передовой плацдарм будущего всемирного «тысячелетнего царствия» коммунизма. Только вера в революционный марксизм (и неотделимый от этой веры тоталитарный контроль) могла преодолеть естественный сепаратизм народов с очень разными культурами, объединить в одном государстве эстонцев с калмыками и литовцев с туркменами. И как только эта вера стала ослабевать, а контроль — смягчаться, СССР стал потихоньку разрушаться. Начало этого умирания — отнюдь не время горбачёвской перестройки, а скорее — позднее сталинское время, когда марксистская эсхатология стала постепенно сдавать свои позиции. Но если во всемирно-историческом плане процесс гибели империи «запоздал», это еще отнюдь не значит, что в 1991 г. наши республики уже были готовы к нормальной самостоятельной жизни. Еще хотя бы несколько лет проведения постепенной экономической реформы в масштабах всего СССР, укрепления партий и институтов гражданского общества, приобретения привычки к демократическим выборам, введения в республиках государственных языков, постепенных и мирных миграций, возможно — некоторой перекройки границ посредством переговоров при сильном, не допускающем этнических чисток, погромов и войн центре, — сделали бы республики более жизнеспособными, а

последующий (все равно неизбежный) распад — более человеческим и «цивилизованным».

Наиболее умные англичане понимали, что рано или поздно им придется уйти из Индии (причем без особых изъявлений благодарности со стороны индийцев) еще тогда, когда Индия не была завоевана окончательно. Но это не мешало им налаживать колониальный порядок и готовить индийцев к тому состоянию, когда они смогут жить без них, а англичане уже не смогут ими править — «нести бремя белых». Я далек от того, чтобы отождествлять СССР и Британскую империю, положение русских с положением англичан. Но некоторое сходство все же есть.

Мы тоже были главным, «имперским» народом, «старшим братом», и на нас лежала моральная обязанность подготовить и самих себя, и «младших» братьев к самостоятельной и цивилизованной жизни. Вместо этого одни из нас говорили: «не отпустим никогда», другие: «пусть немедленно уходят, без них мы будем богаче — они на нашей шее сидят, а все наследство мы себе заберем». Оба наших варианта: «сохранить или разрушить, сейчас или никогда», — были решениями безответственными, решениями людей, которые ни о каком «бремени» и слышать не хотят. Может показаться, что рассуждать сейчас об этом бессмысленно. Все уже в прошлом. Но понимание того, что произошло (и что не произошло, хотя могло произойти) в 1991 г., необходимо для того, чтобы избежать новых бед. В 1988—1991 гг. старика можно было спасти, можно было дать ему еще время, чтобы привести в порядок дела, помочь детям встать на ноги и после этого умереть спокойно.

Но хотя сейчас нам старика становится жалко и прикончившие его потомки начинают осознавать, что не все при нем было плохо и, наоборот, не все хорошо в обретенной свободе, надо четко понимать, что воскресить его уже нельзя. Попытки произвести подобную операцию будут еще большим безумием и безответственностью, чем безумие 1991 г. Спикер украинского парламента А. Мороз хорошо сказал: «У того, кто не жалеет об СССР, нет сердца, а у того, кто думает, что его можно восстановить, нет ума». Всем нам надо учиться жить без СССР и жить достойно, не устраивая свар в нашей когда-то — общей, а теперь — коммунальной квартире.